Репортаж из Вёшенской

Шолохов не одобрял интереса к своей личности, не любил фотографироваться или как-то иначе «документировать» жизнь, не берег архив. «Не ловите меня в музейную сеть!» — была

сердитая у него на сей счет приговорка. Когда в порядке музейной самодеятельности Кружилинский совхоз восстановил дом, где писатель родился, поглядеть захотели многие, а Шолохов — нет. Как ни звали, не приехал, хотя от Вёшенской туда подать рукой.

Объяснять это одной скромностью было бы, конечно, упрощением. Но Шолохова, заметим, упрощали слишком часто, особенно «из Москвы глядя», о чем хорошо сказал когда-то Василий Шукшин. А между тем строгое молчание насчет себя прямо выводится из шолоховского творчества. Он был художник эпический, «летописец» прежде всего, честный свидетель, что, разумеется, не мешало ему как человеку участвовать в описываемых событиях. Но в инигах своих он оставлял нас с жизнью один на один,

Интересен не автор, а прошедший через него мир — из этого исходя, великий писатель держал себя в литературе.

И вот мы говорим: пришло время осознавать Шолохова лично. Удивительно, но до сей поры не обдуман тот многозначительный факт, что в его биографии было три (!) смертных приговора. Страницы шолоховской жизни вообще прочитаны выборочно и небрежно. Многие ли знают, например, что на фронте он перенес тяжелейшую контузию при падении самолета, чудом не погиб?

Долгие годы он был на виду, в слепящем свете юпитеров, а они имеют коварное свойство искажать. И на поверку выясняется, что известный «рабочий кабинет» в Вёшенской, многажды снятый на фото- и кинопленку, никогда рабочим не был. Шолохов писал в другой комнате, и там его не фотографировали никогда. Подробность, согласитесь, характерная!

Будем помнить также, что важнейшая тема -Шолохов и коллективизация — была до последнего времени наглухо закрыта для исследования. Кстати, обнародованные теперь письма писателя к Е. Г. Левицкой, а также воспоминания Петра Лугового подводят нас к мысли, что именно опыт 30-х годов нашел глубокое воплощение в «Тихом Доне», четвертой книге романа.

Шолохов — Сталин — Хрущев — Брежнев —

разбор этой линии, кроме прочего, помог бы уясразор этом лании, кроже прочето, полот общественные и эстетические взгляды писателя, часто толкуемые, увы, в угоду политической минуте. Надо полагать, здесь нас ждут неожиданности. К примеру, из дневника А. Ахматовой мы узнали недавно, что в 1940 году Шолохов выставлял на Сталинскую премию тот самый сборник «Из шести книг», который вскоре был запрещен и выброшен из библиотек. Только заступничество Шолохова позволило завершить закрытое было после войны (боролись с непротивлением!) полное собрание сочинений Л. Толстого. Подобных фактов открывается немало, но они не укладываются в сложившееся представление, и пото-

му их не очень замечают. Вразрез со схемой идут и предлагаемые воспооверность этого свидетельства, приблизкому человеку, младшему сы-Нам не известны другие публикации со столь развернутыми суждениями Шолохова по ключевым вопросам недавней истории.

эти воспоминания будут напечатаны в журнале «Дон». Александр ОБЕРТЫНСКИЯ

М. М. ШОЛОХОВ

PASIOBOP COTHOM

АК-ТО ВСКОРОСТИ после XX съезда партии мы втроем - я, мать и отецсилели, как это часто бывало, в его кабинете и просматривали свежую почту. Отложив в сторону газету, где был помещен какой-то очередной материал, бичующий «культ личности», отец раздумчиво заговорил: Помню, в одну из встреч с ним,

когда деловая беседа уже закончилась и перед прошанием пошли короткие вопросы-ответы о том о сем, я под разговор возьми да и спроси, зачем, дескать, вы, Иосиф Виссарионович, позволяете так безмерно себя превозносить? Славословия, портреты, памятники без числа и где попадя? Ну что-то там еще ляпнул об услужливых дураках... Он посмотрел на меня с таким незлобивым прищуром, с хитроватой такой усмешечкой: «Что подепаешь? — Отец неумело попытался изобразить грузинский акцент: — Людям нужна башка». Меня подвел этот его акцент, послышалось «башка», голова то есть. Так неловко стало, куда глаза деть, не знаю. Не чаю, когда уйду. Потом уже, когда из кабинета вышел, понял — «божка», божок людям нужен. То есть дал понять, что он и сам, дескать, лишь терпит этот культ. Чем бы, мол. дитя ни теши-лось... И ведь я этому поверил. Да, признаться, и сейчас верю. Уж очень убедительно это им было сказано.

— Ну, а как же, по-твоему, все это могло произойти? — спросил я. Долдон ты, сын. Ты вроде вот втих ниспровергателей, — зажатой в руке папиросой он указал на газету. Спросил бы лучше: как это могло не произойти?! Вообще говоря, все эти разговоры о культе — школьничество. Говорить можно лишь о личности. А культ, что же... Назови, если хочешь, как-то помягче. Скажем, вера в авторитет, вера в человека, в вожля. Ясное дело, она не должна быть слепой. Но без вожака и отцы в отаре не ходят. Без руководителя, милый мой, и песни-то не споешь, может. частушки только

Разминая очередную папиросу, отец надолго замолчал. Но мысли, которые, очевидно, не давали ему покоя, заставили продолжить разговор. Живут вот на хуторе казачки. Добрым ли, недобрым, но старым, ве-ковым укладом. У каждого своя жизнь. Каждый делает свое привычное дело на свой страх и риск. Удает ся ему это его дело, не удается — все в основном зависит от него самого, от его собственного умишка, тру долюбия, воли. Может ли тут культ какой-то быть? Уважение разве что к гому, кто лучше других своего добивается. Или, скорее, зависть. И не более... Но вот решили они — волей или неволей, неважно — колхоз строить. Один слышал, что это артель, какой даже батьку можно бить. Другой что в колхозе жены будут общими. Третий вообще слыхом не слыхивал, что это такое. Один хорошо понимает, что такое колхоз, и поэтому прямо-

таки постромки рвет - так ему хочется поскорее отречься от старого мира и отряхнуть его прах со своих ног. Другой тоже отлично знает, что такое колхоз, как раз именно поэтому слышать о нем не может и на первом уже рубаху дерет, до морды его тянется... От чего булет зависеть, построят они что-нибудь путное или всего лишь от старого один прах оставят? Да от того прежде всего, найдется ли среди них знающий спец. И такой притом, чтобы за ним очень разные, совершенно разные люди пошли. Да еще и с охотой. Вожак, одним словом а не просто спец. И беда, если люди, сами ни черта не понимая в этом деле, и спеца вожаком не признают. А почему же тогда в Европе, в

Америке никакого культа не было и нет? И ничего - живут, - перебил

Ты что же, ничего не понял? У них, грубо говоря, тот же дореволю-ционный хутор. В том смысле, что жили и продолжают они жить традиционным укладом. На перестройки в мировом масштабе не замахиваются. Все в рамках привычного, устоявшегося. Всяк за себя, все на свой страх и риск. Все успехи-неуспехи зависят от собственной обеспеченности, предприимчивости, пробивной силы. умения «вертеться», короче. Я, сам понимаешь, упрощаю все это, но если ты говоришь, что там нет культа, ты ошибаешься. Еще какой! Только культ этот — самого себя. Культ личных интересов, эгонзма. А раз уж удовлетворение любого интереса гарантируется деньгами — культ денег. Ну и так называемого бизнеса, разу меется. Честного-бесчестного, чистогогрязного — лишь бы выгодно. Тут, знаешь, если на минуту циником стать, даже не определишь, что хуже: культ личности или культ богатства. Исповедуя культ денег, они должны за нас Богу молиться. Мы им пожрать друг друга не даем. А убери от них внешнего врага, внешнюю опасность оставь наедине с их деньгами и частными интересами - они же за эти деньги глотки друг другу перегрызут... жил, хоть сосчитать можно. Й счет предъявить — было бы желание. А вот жертв этих самых денег и их служителей. И не сочтешь. И счет не предъявишь — некому. И панихидыто не отслужишь. По ком ее служить-то: по мертвым или по живым? Так что, сынок, культ... Слово мне это не нравится... Вера, лучше сказать. Веры у людей никто и никогда отнять не сможет. Без веры человек не человек. Отними у него веру в Бога, он станет верить в царя, в за-кон, в вождя. В науку, как ты, напри-мер. В равенство и братство. В деньги, на худой конец. Да. Господи, что только не верит человек... Высокой только должна эта вера быть. Возвышающей. Плохо, страшно, когда предмет веры мельчится. Мелкая вера — мелкий человечек. А высшие пуховные пенности можно и в культ возводить. По мне, так и нужно.

Должно. И раз уж они, ценности эти, не сами по себе существуют, а в человеке гнездятся, раз уж только личность их и может пестовать и поддерживать, то я не против культа личности. Вопрос лишь в личности... Кстати сказать, это вы вот, интеллигенты рабоче-крестьянские, это вы лишь счи таете, что вашего средневысокого об разования достаточно, чтобы все под сомнение ставить, кроме собственной, а на самом-то деле позаимствованной образованности. А простой человек никогда себя всезнайкой не мнит. Он чаще всего легко признает авторите другого в том или ином деле. И без особого насилия над собой доверяется таким людям. Без этого и хутор существовать не мог бы, не то что страна... «Как надо, так надо. Что положено. то положено» — вот логика простого человека. Жизнью «образованного», а не школьными учебниками...

Почему мне вопрос о культе лично сти представляется наивным? Да вдумайтесь сами: а что же еще у нас могло после революции получиться? Вот, скажем: «Вся власть Советам». А кого в Советы? Кто конкретно и над кем должен властвовать? С какой целью? Думаешь, кто-то знал ответ? «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» — вот и все. Но это, милый мой, на плакатах хорошо. На стенку вешать да на митинги таскать. А ты с этим в хутор приди, к живым людям. Рабочие там, понятно, не водились. Крестьяне? Крестьяне пожалуйста, сколько хочешь, все крестьяне. Кто же будет от них депу татом? Если их самих спросить? уж, конечно не дед Щукарь. И не Ма кар с Разметновым, которые и семьи то собственной сложить не могут, в собственных куренях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы. мол, братцы, двум свиньям жрать не разделите, потому что больше одной вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лукичей да титков — нельзя. Советы и создавались, чтобы их как класс... Вот и оказались самыми подходящими «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвобать. А они что же... Языками, шашками махать — это да. Агитаторы и рубаки, как правило, неплохие. И во-обще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жизнь по-новому переделать, мало быть хорошими ре бятами. Строить, хозяйство налажи вать... Да если кто-то из них и умел кое-что, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои рево люции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно - получать приказы да отдавать. И летит хуторкой комиссар сломя голову к станичному за приказом. А тот, такой же умелен как он сам только званием может, повыше - в область. А тому

уда? Тут уж хочешь не хочешь, а олжен где-то на самом верху поиться вождь. Именно вождь. сех. Сверху донизу и от Москвы до амых до окраин. И выполнены они го тоже практически никаких нет... го страшно-то

Ну хорошо, наверное, это так. азве может хватить жестокости од-ого человека, пусть даже вождя, ерховного Главнокомандующего, тиана, чтобы такого натворить?

Я поражаюсь твоим рассужде раво слово, как с Луны свалились. ли эта книжная премудрость вас совсем высушила, отучила жизнь и видеть, и понимать? Выбрось ты из

Помню, отец, как правило, крываемым скепсисом выслушивал ои «философические», как он выраался, рассуждения на социальные ономические или политические те ы. Нет, он никогда не обрывал, не тмахивался, даже, наоборот, с интеесом поддерживал такие разговоры, о редко когда при этом прятал лег кую, добродушно-ироничную и не-сколько снисходительную улыбку, теплившуюся на его лице.

Вы же вроде бы ученые, — тихо удивлялся он в таких случаях. -Откуда же у вас эта какая-то... неве-жественная, что ли, какая-то слепая и наивная вера во всемогущество ва шего на-уч-но-го знания? Вот если бы ты назвал мне хоть одного ученого, которого бы его наука сделала лучподнял бы руки. Только, по-моес. если он хорошим человел, без науки хороший. А подлец ученый, как и преступник любой, умнее, чем ученее, тем опаснее. Нет, брат ты мой, к науке твоей нужно кое-что еще. От сердца, от души. А без этого ее бояться надо. Она человека видеть перестает.

Меня, выпускника биолого-почвен ного факультета Московского (!) уни верситета, успевшего в стенах его впитать безграничную веру в науку как елинственно возможную и единствен но мыслимую панацею от всех чело-

овный Главнокомандующий. Челок. способный взять на себя смелость ринимать окончательные, верховные шения. И наделенный верховной астью отдавать их как приказы. Для лжны быть — как там военные тавы диктуют? Беспрекословно, неоснительно, точно и в срок. И что л там ни говорил Мыкита Сергеевич. дураку понятно: это обязательно лжен быть человек чертячей воли и ешимости... А дело совершенно но-ре. Опыта — никакого. Знаний и у тот человен неизбежно должен быть раниченным. А уж раз так, то и врассудно жестоким. Боюсь, что алин еще и не худший вариант из о, что могло бы получиться. Вот

аверное, закономерно то, что к влаи должен был прийти ограниченный отсюда — жестоний человен. Но

іям, ей-богу. Чему вас только учат? одовы хоть на минуту все эти свои ертвые теории, попробуй просто, половечески представить, вообрази сеэто время..

быть, вояки. Из ворот в ворота живут, из одного колодца воду пьют, по скольку раз на день глаза друг другу мозолят... Каково? Хватает воображения? Тут, по-моему, и самого небогатого хватит, чтобы мороз по коже продрал. Вот и воображай дальше... Избрали хуторскую советскую власть. власть ее избрала. А ту, естественно, областная. Ну и так и далее, как казаки говорят. И вот сидит эта новоизбранная власть в атаманской правленческой избе или в экспроприированхате какого-нибудь хуторского «богача». А за окном-то неуютно. Больше того, жутковато. Хлебом-солью, как в кино, его не встречали. Через окно, бывает, и постреливают. Будешь ты ждать, когда тебе пулю в лоб влепят? А то и просто вилами в подходящем месте? Никакой настоящий мужик ждать этого не будет. Повесит он наган на бок, чтоб всем видно было, и пойдет сам врагов искать. И как его определишь, врага-то, когда на тебя чуть не каждый второй чер-том глядит? Да только лишь так:

понимаешь ли, подозреньице, что Иван может какую-нибудь пакость отмочить. Он и богатенький был аж две пары быков имел, — и оружие, поговаривают, припрятал, не все сдал. И морда его тебе не нравится. И баба его твою бабу курвой как-то обозвала... За ведьмами так когда-то гонялись. Скот-то падает? Должен же

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Я СТР.

Писатель М. Алексеев темпераментно защищал имя Шолохова от вымыслов по поводу авторства «Тихого Дона». Может, кому-то показалось странным, что похвальное дело, подлинный пафос ведущего не вызвали ответного энтузиазма людей, собравшихся на станичном стадионе на традиционно пышный концерт. Но дело в том, что в нашей стороне защищать Шолохова — это ломиться в открытую дверь. Где-то там бушуют страсти, о которых слыхали и жители Верхнего Дона. Но здесь предмета обсуждения просто не существует, это все равно что люди встретились бы в церкви и вместо молитвы стали обсуждать, есть ли Бог. Всякому и так ясно, что Бог есть, и он создал мир, и за сколько дней. Также всякий знает и про Шолохова, и про то, что сквозь образы Григория, Щукаря, Нагульнова и других героев брезжут фигуры реальных, некоторым еще памятных земляков.

В этот день посетители Литературного музея М. А. Шолохова особенно внимательно всматривались в красивые черты Харлампия Ермакова, чья небольшая фотография здесь за стеклом. С судьбой этого человека, расстрелянного в 1927 году, был в значительной степени, очевидно, связан и великий писатель, избравший его главным прототипом мятущегося Григория. В промежутке между прошлой и нынешней «Шолоховскими веснами» X. В. Ермаков в числе других казаков посмертно реабилитирован, так как «не обнаружено осознанного состава преступления против общест-

В субботу вечером на набережной Дона собралось народу видимо-невидимо. Светились гирлянды огней на берегу, качались огни на воде и в руках у певцов. На том берегу вспыхнула и отгорела огромная цифра — 85.

А в воскресенье пели, плясали, толпились по центру станицы, перед домом Шолохова, на площади. Народ горделиво похваливал молодцеватых ребят на лошадях, спрашивал в киосках вместо «Молота» спецвыпуск «Донское слово» и первую газету недавно созданного в Вешенской общества Казачий круг «Донской казак». И удивлялся тому, как много «вылупилось» вдруг молодежи, правильно играющей казачьи песни.

Бывает, срубят дерево, и пенек мертво стоит годами. Но из какой-то оставшейся живой почки вдруг выбьется росток, и пошло расти дерево снова. Избитое, уничтоженное донское казачество одно время, казалось, осталось лишь в произведениях М. Шолохова, как в единственной живой почке. И вот пошел росток, и вот почему такой радостный и

мощный был праздник в Вешках. Вернувшись в Москву, М. Алексеев, в частности, сказал: «Чувствую, как жалки и беспомощны мои слова, которыми я попытался бы лишь в сотой, да что там сотой, в тысячной мере донести до читателя то, что творилось на берегах тихого Дона в эти дни. К сожалению, слово «творилось» принимается нами сейчас лишь в негативном смысле - чтото произошло нерадостное. Там же, в станице Вёшенской, творилось нечто, сотканное из великой любви, иными словами, рожденное сердцем народа, у которого всегда найдется место для одного ли, для нескольких ли гениев. Полагаю, уместно заметить, что в любую эпоху, в том числе и нашенскую, гении

никогда не мешали друг другу.
Представьте себе, 85-летие М. А. Шолохова вылилось в такой праздник, который, честно говоря, немало поврачевал наши пораненные души. Казаки донские, кубанские, терские, уральские, яицкие, забайкальские — все побывали тут. Народные коллективы приехали из Загреба, из Болгарии, а один югославский профессор-шолоховед 14 лет переводил «Тихий Дон» на свой родной язык — ровно столько, сколько потребовалось Шолохову для создания, может быть, самого великого тасрения XX века — «Тихого Дона». Рукопись этого перевода была передана семье Шо-

лохова. Вот о чем мне подумалось, когда народное ликование продолжало еще бушезать. Во многих странах, в том числе и у нас, славят великих полководцев. Но, оказывается, можно быть великим завоевателем, не пролив ни капли чужой крови. Вот к таким зазоевателям относится наш соотечественник, нына принадлежащий всему человечеству, -М. А. Шолохов».

H. CTAPLEBA. спец. норр. «ЛГ». РОСТОВ на ДОНУ— ВЕЩЕНСКОЕ—МОСКВА

веческих бед, меня, типичного сциентиста, страшно обижало и огорчало подобное отношение отца к науке. Но уже тогда, помнится, ему чуть ли не всякий раз удавалось возбудить во мне смутное чувство, что в чем-то он бесконечно прав. Однако вернусь к прерванному разговору.
— Вообрази себе на минутку то

время. Окинь его одним взглядом с высоты птичьего полета, как говорится... Революция. Гражданская война. Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бы-Вот немца победили. Вернулись победители домой. Радость, объятия, поцелуи. Праздник, что тут еще скажешь. Всеобщий и всенародный. Кто горя хлебнул полной мерой, и те хоть и в слезах, но празднуют. И возьми гражданскую...

У тетки моей, у твоей бабки двоюродной, Ольги Михайловны — четыре сына. Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое — бойцы добровольческой армин, а Валентин — красный. Ну, Сашки с Владимиром в то время на Дону не было, а Иван с Вапентином — тут, рядом, по родным буграм друг за другом гоняются. Выбыот красные белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, раздеваясь: «Ничего, мать, не горюй! Сейчас всыплем этой контре, заживем по-новому!» На коня — и ходу! А мать в слезы, волосы на голове рвет — Иванов-то и запах еще из горницы не выветрился. А через день таким же макаром Иван влетает. «Был Валька, подлюка? Ну, попадется он мне! Ничего, погоди, мать, немного, выбьем вот сволоту эту с нашего Дона, заживем по-старому!» Радуйся, мол, родимая маманя. Поцеловал и загремел шашкой с крыльца. А мать уже об печь головой бьется...

так ведь не раз, не два. Букановская - порасспроси-ка мать, она тебе расскажет — двенадцать раз из рук в руки переходила. Ну да ладно... О чем я говорил-то?

Да, так вот... И прибрели потом к своим разбитым куреням да порушенным семьям все, кто уцелел. И победители, и побежденные. Иван у Петра хату спалил, всю родню перепоролпострелял. Петро перед Иваном тоже в долгу не остался, все сполна вернул, еще и с довеском. Нет, нет, это я уже не про твоего дядьку Ивана. Те, кроме Сашки, все погибли. Это я уже так, вообще говорю. Возвернулись, стало виноватый быть? Не иначе, как Мака-

риха. И из турков она, говорят. И обличьем — вельма вельмой. И как-то ночью видали люди, как она, сучка, черным кобелем обернулась... Час ст часу подозреньице растет; подозрение растет — страх все сильнее; страх подрос, а подозрение, глядь, уже и в уверенность выросло. Остается лишь в «дело» оформить эту подозрительную уверенность, которую тебе нашептала твоя «революционная бдительность», на собственном страхе да на ненависти замешениая. И пошлопоехало... И так — каждый хутор. Все города и веси. По всей стране... Мы и до сих пор-то из этой подозригельности выпростаться не можем.

А те, кто не при власти оставались думаешь, сидели, молчали? Как бараны, ждали, когда их на зарез поведут? лись, и блеяли, кто как мог. Вот и разберись тут, кто виноват. А коллективизация? А 33-й год? А дальше? Когда там по вашим учебникам гражданская закончилась? В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие то по команде, что ни команда - то для людей, мягко сказать, обиды...

教於孫 Все эти свои мысли отец включил потом в роман «Они сражались за Родину», в главу, где описывается по-ездка братьев Стрельцовых на рыбалку. Поделенные между тремя персонажами, они высказывались старшим Стрельцовым, директором МТС и старым овчаром дедушкой Сидором в беседе у рыбацкого костра.

В опубликованных главах романа встреча генерала Стрельцова с директором МТС и разговор между ними, сожалению, вообще «не состоялись». Остался лишь случайный ночной гость, старый овчар. Между прочим, именно сн. неграмотный простой пастух, поразив генерала Стрельцова своим здравым умом, острой наблюдательностью и умением глубоко и точно судить о сложнейших процессах общественной жизни, - именно он, по воле писателя, обнаруживает сходство между процессами, шедшими в страшные 20—30-е годы, и более отдаленной во времени «охотой на ведьм». Но и это в опубликованные главы не вошло. Из рассуждений старика на эти темы остался лишь небольшой кусочек: «У нас на хуторе один я с простиной в голове, а остальные все умные, все в политику вдарились. Вот, к примеру, залезет Иванова свинья к соседу Петру в огород, нашкодит там, а Петро — нет чтобы до ром договориться, вот как мы с то-бой. — берет карандаш, слюнявит его и пишет в ГПУ заявление на Ивана: так, мол, и так, Иван, мой сосед, в белых служил и измывался над красноармейскими семьями. ГПУ этого Ивана за воротник и к себе на гости приглашает. Глядишь, а он уже через месяц в Сибири прохлаждается. Брат Ивана на Петра пишет, что сн, мол, сам в карателях был и такое учинял, что и рассказать страшно! Берут и этого. А на брата уже карандаш слюнявит родственник Петра. Таким манером сами себя пересажали, и мужчин в хуторе осталось вовсе намале, раз-два — и обчелся. Теперь в народе моих хуторян «карандашниками» вовут. Вот ведь как пересобачились. Вкус заимели один другого сажать, все политиками заделались. А раньше такого не было. Раньше, бывало. за обиду один другому морду набьет. на том и вся политика кончится. Теперь — по-новому... Я от такой житухи промеж людей и в овчары подал-

Это все, что ссталось от монолога дедушки Сидора. Рукопись же, которую мне довелось прочитать, к сожалению, не сохранилась.

Гонорар за эту публикацию автер переводит в фонд беженцев.